

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТРУД О БОРИСЕ ГОДУНОВЕ ПОСЛЕПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ*

Вячеслав Козляков

Алла Севастьянова

Рязанский государственный университет,
Рязань, Россия

AN UNKNOWN WORK ABOUT BORIS GODUNOV FROM THE POST-PETRINE ERA

Viacheslav Kozliakov

Alla Sevastyanova

Ryazan State University,
Ryazan, Russia

This article examines a new early manuscript containing two works by an unknown compiler in the 1730s: the story of the “tyrant Ivan the Terrible” and Boris Godunov “greedy” for autocratic power. The manuscript is kept in the State Archives of Ryazan Region as part of the collection of the Ryazan Provincial Scientific Archival Commission. The study demonstrates that its brief archaeographic description was given in 1892 by Aleksey Vasilyevich Selivanov, one of the founders of the archival commission in Ryazan. Relying on watermarks, he dates the collection to about 1727; in 2001, the manuscript was described anew in a review of the manuscript collection of the State Archives of Ryazan Region. The authors analyse the part of the manuscript collection containing an essay about Boris Godunov; this essay has not been introduced into scholarly circulation previously. The article reveals the compiler’s sources, which turn out to be translations of notes taken by foreigners about Russia between the sixteenth and seventeenth centuries, more particularly the works of Jerome Horsey, Jacob Ulfeldt, Adam Olearius, and some others. Also,

* Citation: Kozliakov, V., Sevastyanova, A. (2021). An Unknown Work about Boris Godunov from the Post-Petrine Era. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 947–964. DOI 10.15826/qr.2021.3.620.

Цитирование: Kozliakov V., Sevastyanova A. An Unknown Work about Boris Godunov from the Post-Petrine Era // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 947–964. DOI 10.15826/qr.2021.3.620 / Козляков В., Севастьянова А. Неизвестный труд о Борисе Годунове послепетровского времени // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 947–964. DOI 10.15826/qr.2021.3.620.

the authors single out a whole series of parallel pieces of news from Jerome Horsey's notes in a little-known version of the publication in Old German about Tsar Boris' character. The authors focus on which notes would have been available to the alleged compiler of the collection in the seventeenth and early eighteenth centuries. The article contains data revealing the provenance of the work. Additionally, an assumption is made about the possible author of the published source, who was probably related to the circle of victims in the case of Artemy Volynsky. Finally, the appendix to the article contains the previously unpublished text of the manuscript about Boris Godunov.

Keywords: archival manuscript, archaeography, Boris Godunov, foreigners' essays on Russia, Russia in the 1730s

Исследуется архивная находка новой ранней рукописи, содержащей два произведения неизвестного составителя 30-х гг. XVIII в.: об истории «тирана Ивана Грозного» и «честожадного» к самодержавной власти Бориса Годунова. Рукопись хранится в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) в составе собрания Рязанской губернской ученой архивной комиссии. Как показывает предпринятое изучение, ее краткую археографическую характеристику дал в 1892 г. Алексей Васильевич Селиванов, один из основателей архивной комиссии в Рязани. Он датировал сборник по филиграммам временем около 1727 г. В 2001 г. рукопись заново была описана в обзоре рукописной коллекции ГАРО. Анализируется та часть рукописного сборника, которая содержит сочинение о Борисе Годунове, до настоящего времени оно не введено в научный оборот. Раскрывается основа источников составителя: ими оказались переводы записок иностранцев о России XVI–XVII вв., в частности, сочинения Джерома Горсея, Якоба Ульфельдта, Адама Олеария и некоторых других. Выявляется целый ряд параллельных известий из записок о России Дж. Горсея в малоизвестном варианте издания на старонемецком языке о характере царя Бориса. В центре внимания стоит вопрос о том, какие из существовавших записок иностранцев могли быть доступны предполагаемому составителю сборника в изданиях XVII – начала XVIII в. Приводятся данные, раскрывающие вопрос о месте создания сочинения об Иване Грозном и Борисе Годунове. Высказывается предположение о возможном авторе публикуемого памятника, вероятно, связанном с кругом лиц, пострадавших по делу Артемия Волынского. В приложении публикуется ранее не изданный текст рукописи о Борисе Годунове, созданный неизвестным автором в 1730-х гг.

Ключевые слова: архивная рукопись, археография, Борис Годунов, записки иностранцев о России, Россия в 1730-е гг.

В ГАРО хранится сборник исторического содержания в 4^о, состоящий из двух произведений: «Описание бесчеловечного владения Иоанна Васильевича, царя и великого князя Московскаго» (л. 1–57 об., первой фолиации) и «Житие Бориса Федоровича Годунова, царя

и великого князя Московского, и его супруги и сына» (л. 1–22 об., второй фолиации) [ГАРО. Собр. науч. 6-ки. № 10]. Сборник впервые был кратко описан в 1892 г. А. В. Селивановым в составе рукописей Рязанской ученой архивной комиссии и датирован им по филиграммам временем около 1727 г. («Рукопись на голландской бумаге с филиграммой “pro patria”») [Селиванов, с. 49] № 15; Лихачев, табл. 67, № 503 (1727 г.)). В 2001 г. рукопись заново была описана в обзоре рукописей ГАРО, составленном Д. В. Губиным и А. А. Севастьяновой [Губин, Севастьянова, с. 12; Севастьянова, 2018, с. 9].

Исторические произведения, посвященные Ивану Грозному и Борису Годунову, – «Описание» и «Житие» – составлены по переводам иностранных сочинений о России с оригинальными авторскими комментариями. Текст «Описания» Ивана Грозного известен по публикации Л. А. Дмитриева, разыскавшего в собрании П. М. Мальцева в библиотеке Саратовского государственного университета рукопись сочинения об Иване Грозном, датируемую началом 1800-х гг. [Дмитриев]. Текст о царе Иване в саратовской и рязанской рукописях в основном одинаков.

Рязанская рукопись, содержащая два сочинения, – более ранний текст, он не только составлен раньше, но и точнее передает текст произведения в целом и его замысел. «Житие Бориса Годунова» до сих пор не было предметом научного анализа, а его публикация на страницах настоящего издания даст возможность исследователям продолжить работу над текстом двух интересных сочинений по истории России XVI–XVII вв., написанных, по-видимому, в царствование Анны Иоанновны в 1730-х гг.

Оба произведения об Иване Грозном и о Борисе Годунове составлены по одному принципу. Автор брал за основу иностранные сочинения, переводил их на русский язык и пересказывал достаточно близко к тексту, дополняя своими авторскими суждениями. Так, среди источников для составления текста об Иване Грозном Л. А. Дмитриев выделил Павла Одерборна (в саратовской рукописи переименованного в «Звероборна»), книгу голландского писателя Ламберта Боса («нидерландского автора Фон Дер Боса») о великих людях, опубликованную в 1659 г.; сочинения дипломатов, приезжавших в Москву в XVI–XVII вв. в составе посольств из Дании, Англии и Голландии, – Якоба Ульфельдта, Адама Олеария («Алеара») и Джерома Горсея. Ссылка на «капитана Горзея» позволила Л. А. Дмитриеву установить, что в этом случае автор русского текста не обращался к публикациям на английском языке, а использовал немецкий перевод сочинений англичанина Джерома Горсея 1629 г. (только там Горсей назван «капитаном»). Л. А. Дмитриев не мог разыскать это действительно редкое издание в отечественных книгохранилищах, тем более что в справочнике Кордта, на который он сослался, информация о немецком переводе Горсея была неточной [Дмитриев, с. 380; Кордт, с. 43]. Из других иностранных источников использовались

сочинения Павла Иовия Новокомского («Евия») и Александра Гваньини («Гванита»). По мнению Л. А. Дмитриева, полное отсутствие ссылок на русские источники и другие особенности саратовской рукописи «Краткого описания» об Иване Грозном свидетельствовали о существовании неизвестного «иностранного оригинала», составленного неким «западноевропейским публицистом» XVII в. Впоследствии, как считал Л. А. Дмитриев, с этого оригинала был сделан русский перевод, датируемый, судя по языку рукописи, первой половиной XVIII в. [Дмитриев, с. 387–388].

Находка новой, более ранней рукописи, где два произведения – «Описание» Ивана Грозного и «Житие» Бориса Годунова – помещены в одном конволюте, одним почерком, с явным повторением их композиции (деление на статьи), с пересказом исключительно иностранных текстов (включая продолжение известий англичанина «Горзея»), не оставляет сомнений, что неизвестный автор стремился рассказать историю тирана Ивана Грозного и обличить «честожадность» к самодержавной власти Бориса Годунова. Более того, возможно, существовал даже более широкий замысел, включавший описание истории «Растриги» – самозванного царевича Дмитрия. Упоминая о «Гришке Атрепьеве, которой в Ерославле от бедных родителей рожден», и о его дальнейшей истории, автор «жития» царя Бориса оговаривается: «оное уже в первом томе описано, и во оном обстоятельно показано, какой сей ево обман вначале счастливой успех, а наконец бесчастное окончание имел» [ГАРО. Собр. науч. 6-ки. № 10. Л. 19–20] (см. также по тексту, опубликованному ниже).

Разрешается и вопрос о месте написания произведения. Высказывая в первой же статье важные для него мысли о тирании, автор описания правления Бориса Годунова пишет: «многие тираны чрез лукавство самодержавную власть к себе привлекли, но весьма малое число из них оную до третьяго поколения утвердили. Для доказательства сего перо наше не токмо в далные места странствовать, но и из Москвы, где она по сие время обреталась, выступать притчины не имеет» [Там же. Л. 2 об. –3]. Косвенным указанием на автора рукописи можно считать пробу пера на переплетном листе перед началом текста («книга гражданская, государь описал своею рукою»).

Следовательно, есть основания считать автора рукописи жителем Москвы. Правда, интерес его к истории особенный, он не только не знает русских источников, но и плохо ориентируется в датах, приводя, например, ошибочные сведения о коронации и смерти царя Федора Ивановича (1540 вместо 1584 и 1595 вместо 1598 г. соответственно), не поправляет неверные в его источнике имена королевы Магнус (великой княгини Марии Старицкой), царицы Марии Нагой. Очевидно, что эти детали для него не столь существенны, его цель – создание памфлета, обличающего захват самодержавной власти и тиранию подданных на примерах из царствований Ивана

Грозного и Бориса Годунова. Отсюда особенности его стилистики, присутствие литературных образов и иносказаний, например: «в елизейские поля отсылать» (о смерти врагов Бориса Годунова), «оперил стрелу», «монашеский клобук милее, нежели корона и скипетр», «ни единого монашеского волоса не имел», «военные тучи» и т. п. Кстати, в тексте немало слов, рождение которых связано уже с XVIII в. («кондиции», «министры», «сервиз», «винтовки», «обершталмейстер», «мундшенк», «кухмистр»).

Основными источниками автора сочинения о Борисе Годунове, как и в тексте про Ивана Грозного, являются свидетельства иностранных писателей о России. Особенно часто и обильно даются переводы из «агличанина» Джерома Горсея, они, скорее всего, сделаны по немецкому изданию [Beschreibung, pag. 153–168]. Однако нельзя исключать, что переводчик, если он знал английский язык, вполне мог использовать и английские издания Горсея, например, публикацию Пёрчеца 1626 г. (см. подробнее: [Севастьянова, 1990, с. 30–34]), тем более, что в тексте о царе Борисе автор источника составителя упомянут уже без имени: «аглинский посол», «реченный агличанин».

Сюжеты «Жития Бориса Годунова», взятые, несомненно, из записок Горсея, имеют ключевой характер. Они взаимосвязаны и складываются в небольшую «повесть о Борисе», как уже приходилось отмечать, говоря о записках агличанина [Севастьянова, 2007, с. 11–15]. В «житии» это следующие фрагменты (следуя порядку текста рукописи):

- Борис Годунов становится «опекуном и защитителем всея России» при Федоре Ивановиче;
- похищение королевы Магнус (Марии Старицкой);
- осмотр английских подарков при дворе;
- расправа с неудобными и с семьей Никиты Романовича;
- неудачная потешная охота Бориса и восхваление его челобитчиками;
- приезд Афанасия Нагого и гибель царевича Дмитрия;
- «портрет» Бориса Годунова.

Все названные сюжеты – это переводы из записок Горсея, причем иногда почти дословные (таковы, например, рассказ о подарках, описание неудачной охоты и хвалебных речей челобитчиков, рассказ об Афанасии Нагом и некоторые другие) [Горсей, с. 96–97, 101–102, 129–133, 135]. В записках Горсея ярко говорится о главной роли Бориса-правителя при царе Федоре, причем английское определение *Prince Protector* превращается в русском переводе XVIII в. в не менее выразительные и понятные современникам «опекун над всей Россией», «опекун-защититель», «опекун государственной»).

В тексте «Жития Бориса Годунова» содержатся также ссылки на Джерома Бауса – «Иеронима Бовеса» (л. 5, 18, 21), посла в Россию в 1583–1584 гг., его отчет был впервые опубликован в Англии в сборнике Гаклюйтовского общества *The Principal Navigations* в 1589 г. (но в дальнейшем изъят и заменен другим известием) [Croskey].

Но маловероятно, что в «житии» использовалось гаклюйтовское издание, тем более отчеты Бауса, а не материалы того же Горсея. Ссылки в публикуемом тексте на Джерома Бауса, высланного из России после смерти Ивана Грозного, неверны по сути: он не участвовал в описываемых событиях, а в своем известии о посольстве вообще не упоминал о Борисе Годунове. Автор рукописи, в частности, ошибочно ссылается на такое его свидетельство: «частореченной агличанин Бовес оное описывает таким образом, что Борис Феодорович, его супруга, сын и дочь окормлены ядом». Но эти события происходили 20 лет спустя после миссии посла Джерома Бауса в Россию. Косвенным подтверждением является фраза в рукописи «аглинской посол господина Брандеса о сем равномерно уведомляет...»: здесь «Брандес» – это Барнес (Джордж Барнс), управляющий Московской компанией английских купцов в Лондоне, с которым переписывался Горсей.

В ссылках автора «жития» Бориса Годунова на «Геннингио» (л. 9 об., 12 об.) можно видеть указание на «Лифляндскую хронику» Соломона Геннинга, изданную в Ростове в 1590 г. [Henning; Филюшкин]. Однако, вопреки указаниям автора рукописи, она тоже никак не могла быть связана с упоминаемыми им событиями, произошедшими при появлении самозванного царевича Дмитрия (предмет книги Геннинга был другой, и труд его был издан в 1590 г. уже посмертно). Странной выглядит и ссылка на «уведомление Пиазеция» (л. 21) о смерти Годунова. Здесь возможна оригинальная транслитерация имени перемышльского епископа Павла Пясецкого (Piasecio), его текст был издан на латинском языке в Кракове в 1645 г. Труд Пясецкого включал обзор событий в России после появления самозванца, и там действительно раскрывались обстоятельства кончины Бориса Годунова [Piasecki; Леонид; Николаев, с. 85–86]. Приведем эти фрагменты:

Рукопись «жития»
Бориса Годунова

Л. 21 // Которая их измена по уведомлению Пиазеция ему столь прискорбна была, что он по полученному о том известию в 1605-м году апреля 13-го дня в публичной аудиенции, от сильной рези в животе, при чем у него и из носу кровь шла, скоропостижною смертию преставился.

«Хроника»
Павла Пясецкого

С. 5 // Борис Годунов Князь месяца апреля в 13-й день, когда посольства государей чужеземских всенародно слушал, внезапною утробы болезни захвачен, устами, ноздрями, ушами многое крови множество и купно душу испустил, и абие тут же мертв паде [Леонид, с. 5].

Вернемся еще раз к вопросу об авторе публикуемого текста. В статье Л. А. Дмитриева высказано интересное предположение о появлении сочинения о тирании Ивана Грозного в кругу «конфидентов» кабинет-секретаря Артемия Петровича Волинского, включая имев-

шего опыт жизни за границей и переводческих трудов А. Ф. Хруцова [Дмитриев, с. 387–388]. Действительно, Волынского обвиняли в отзыве о царе Иване Васильевиче как о «тиране», когда он работал над текстом записки императрице Анне Иоанновне. Пытаясь оправдаться, Артемий Волынский говорил на следствии, что писал «не от себя», а следовал оценкам «некоторых иноземных писателей», и «прибавил, что они пишут сие несправедливо», более того, Волынский последовал советам своих сотрудников и снял опасный отзыв о тирании Ивана Грозного [Записка, с. 156].

В перечислении провинностей Артемия Волынского в его знаменитом деле 1740 г. упоминались также и опасные аллюзии с царствованием Бориса Годунова: «настоящее правление называл временем Годуновым» [Записка, с. 161; Курукин; Лаврентьев; Петрухинцев]. В чем была опасность таких отсылок в царствование Анны Иоанновны к давним временам Смуты, что мог иметь в виду Волынский в своих разговорах, и почему его слова о прецедентах годуновского правления были восприняты так серьезно? К сожалению, документы дела Волынского сохранились с утратами и не дают возможности сослаться напрямую на какие-либо тексты его проектов. «Годуновский пример» всплыл в показаниях при обсуждении отзыва Артемия Волынского о попытке герцога Бирона устроить брак своего сына с будущей наследницей престола Анной Леопольдовной [Записка, с. 147]. Сравнение с временами Годуновых Волынский использовал в переходное время в 1731 г., намекая на царицу Евдокию Федоровну: «Ныне время Годуновых: Царица в монастыре, а Растрига в Литве» [Там же, с. 161].

Конечно, определенно утверждать, что имело место знакомство Волынского с публикуемой рукописью сочинения о Борисе Годунове, не приходится, но размышления о «тиранстве» царей и обсуждение «жадности» Бориса Годунова к самодержавной власти также грозили автору преследованием за вольнодумство. Власть вполне могла отнести на свой счет отдельные нравоучительные суждения из «Жития Бориса Годунова». Например, когда автор пишет: «коль мало два дурака при одном дворе уживаются», – простор для толкований остается очень большим, и тут вполне можно видеть намек на неприятелей Артемия Волынского, устроивших его «дело», – Бирона и Остермана. Идея обязательного возмездия тем, «кои на престол восходят чрез такие ступени, кои невинною кровию обмараны», тоже должна была волновать современников расправ и казней политических противников во времена императрицы Анны Иоанновны.

Таким образом, находка в ГАРО рукописи неизвестного труда о Борисе Годунове 1730-х гг. позволяет заново обратиться к изучению представлений современников о событиях рубежа XVI–XVII вв., их исторического самосознания и восприятия исторических фигур в контексте политических событий послепетровского времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

(Л. 1)² // Житие Бориса Федоровича Годунова,
царя и великаго князя Московскаго, и его супруги и сына

Содержание

1. Жадность к владению весь род его погубил.
2. Борис Годунов избран опекуном над всею Россиею и чрез разумное свое правительство всех к себе склонил.
3. Он вдовствующую супругу прежняго великаго князя в монастырь усладал.
4. Подарки, кои царю Феодору Ивановичю от королевы Елисаветы из Англии присланы.
5. Борис Федорович из опекунской своей власти некоторых знатных бояр казнил.
- (Л. 1 об.) // 6. И для того ево возненавидели, почему он от лебядиной ловли убежать долженствовал.
7. И последнюю супругу тирана Ивана Васильевича в монастырь сослал, а сына ея великаго князя Димитрия жизни лишил; також и предместия в Москве зажечь велел.
8. Никита Романович по его приказанию обворожен и оттого умер.
9. Скоропостижная смерть владеющаго великаго князя Феодора Васильевича.
10. Почему Борис Федорович долгожеланную корону на себя возложил.
11. Наружной его вид и совесть.
- (Л. 2) // 12. Он во время своего владения великое беспокойствие и нападение от иностранных держав претерпевал.
13. Сослал Богдана Белскаго в сылку.
14. Скоропостижная его смерть, воследовавшая от досады или от отравы.
15. Почему супруга и сын его удушены.
- (Л. 2 об.) // 1. Коль легко честожадные люди чрез лукавство и злых вымыслов до высочайшей степени и власти доходить могут, толь наитруднее им во оной так утвердиться, чтоб они или наследники их оттуда в подземное жилище сверзены бысть не могли. Жадность к чести и самодержавной власти есть такое пламя, которая то строение, в котором она горит, толко на малое время освещает и великолепными лучми украшает, а наконец оное и сама зажжет, и в пепел обращает: многие тираны чрез лукавство самодержавную власть к себе привлекли, но весма малое число из них оную до третьяго поколения утвердили. Для доказательства сего перо наше не токмо в далние места странствовать, (Л. 3) // но и из Москвы, где она по сие время обреталась, выступать притчины не имеет: ибо тотчас после смерти Ивана Васильевича вступил во владение такой человек, которой оное своим примером засвидетельствовать может, а имянно князь Борис Годунов, которому, как выше сего упомянуто, правительство государственное обще с Богданом Белским в силе духовной препоручено было.
2. Но коль мало два дурака при одном дворе уживаются, толь наименше многие знатные и от самодержавной жадности воспаленные министры в со-

¹ В передаче текста рукописи сохранена орфография оригинала. Пунктуация приводится в соответствии с современными правилами.

² По второй нумерации листов в рукописи.

гласии и неллицемерной дружбе состоять могут. Остроумнейшему из них все протчие (Л. 3 об.) // преимущества уступать и ему повинн[о]ваться должны. Таким преимущественным разумом одарен был Борис, который отважился принять чин опекуна государственного, а под тем именем управлял он все дела как самодержавная особа, ибо наследной великой князь Феодор Иванович состоял под его смотрением для того, что он был родной брат молодой великой княгине. И хотя оной Феодор Иванович вскоре после кончины Ивана Васильевича царем Российским имянован и в том же 1540-м году июля 31 дня на 22-м году коронован, то однако Борис яко опекун и защититель всея России корону в сердце, в голове и в руках имел; в сердце потому, что старался оную на себя возложить; в голове – (Л. 4) // что его голова разумнее коронованной головы была, в руках – что вся власть и сила в них находилась. Феодор Иванович был весьма молод и притом умом не столь достаточен, чтоб государство по тогдашним обстоятельствам надлежащим образом управлять мог, он оказывал более охоту и искусство к звону колоколному, нежели к державе и скиптру. Борис же, напротив того, старался чрез разумное управление себя у всех в славу и почтение привести. Высокие его качества толь высоко почитались, что все подданные уповали, что по кончине великого князя и молодого Димитрия к наследию Российскаго престола и царской кароны достойнее сей разумной головы никто быть не может.

(Л. 4 об.) // А сии две особы и ему несносны были. Но между тем делал он все хорошие учреждения, ко всем христианским державам, особливо же к соседствующим, отправлял он послов, уведомляя их [о] благосклонности нового великого князя и о возобновлении древней дружбы.

3. Между тем великая княгиня Анна^{3а}, пятая (или, как иные пишут, седмая) супруга покойного великого князя Ивана Васильевича, обреталась и с сыном своим Димитрием в Угличе, где она несколько времени царское содержание имела. А старую великую княгиню, которая в Риге под честным караулом обреталась, увещевал Борис чрез аглинского посла, (Л. 5) // а оной – чрез Кронима^{4б} Бовеса, чтоб она возвратилась в Москву, к чему она сперва склониться не хотела, убоясь, что ей по прибытии в Москву в монастырь посодят, но наконец к тому согласилась и тайным образом на почтовых лошадях, кои по учреждению реченного агличанина в готовности стояли, в Россию поехала. Чрез что оной агличанин Барису^{5б} великую услугу оказал, ибо она ближайшая наследница к престолу была, токмо сам себя великому нареканию подверг, о чем он наконец хотя и сожалел, да уже позд[н]о, ибо московитяне в слове своем не устояли: сначала приняли они сию вдовствующую великую княгиню с надлежащим почтением и поклоном, також дали они ей во владение (Л. 5 об.) // некоторую область и подлежащей штат, но вскоре после того ее и с дочерью недалеко от Москвы (так, как и протчих вдов) в монастырь посадили, что ей весьма прискорбно было, и громким голосом кричала, что агличанин ее изменил и обманул.

4. Как скоро оной из Англии в Москву возвратился, и новому великому князю несколько лвов, волов, гончих сабак, римских позолоченных секиров, шпаг, винтовок и протчих иностранных оружий, тако ж разные виноградные вины, лекарственные соки, органы и протчие к музыке принадлежащие

³ Так в рукописи, правильно – «Мария».

⁴ Так в рукописи.

⁵ Так в рукописи.

инструменты, бархаты, жемчуг, серебряной высокою работою сделанной сервиз и многие (Л. 6) // сему подобные вещи от королевы Елисаветы в подарок привез, то государственной опекун Борис на другой день к нему приехал и ему росказал, какие после его отсудствия перемены происходили: что мать великаго князя Дмитрия отважилась чрез разные происки его с сочленами в вражду привести и таким образом оных от него отлучила, и просил, чтоб он никаким жалобам, кроме что от него самого услышит, не верил, в протчем же сей у царскаго двора в великом почтении состоящей агличанин от тамошняго дворянства великие жалобы слышел и о разных бунтах и мятежах уведомление получил.

(Л. 6 об.) // Между тем привезенные им подарки взяты были ко двору, дабы великой князь с супругою своею, находящаяся между оными зверей, из окна пересмотреть могли. Первой подведенной зверь был молодой белой вол с черными природными пятнами, которого агличаня так обучили, что он перед великим князем на колени пал и лбом в землю поклонился; потом, как опять на ноги встал, то взглянул на всех стоящих круг его людей весьма свирепо. За ним следовали аглинские болшие сабаки, числом двенатцать, каждая сабака ведена была посолским служителем; потом подвели двух лвов, а за ними протчих зверей. Органы и протчие музыкальные инструменты (Л. 7) // с великим благодарением и удивлением приняты, и все Российские бояря признались, что никогда таковых инструментов не видывали.

Сие для изъяснения тогдашних обстоятельств довольно. Станем теперь разсматривать бесчеловечные и лукавые предприятия и поступки Бориса Годунова.

5. Борис начел тех, кои ему в предприятиях его опасными быть казались, одного за другим в елизейские поля отсылать. Петр Головин, которой при покойном великом князе главным казначеем был, а ему Борису во всем супротивление чинил, послан [был] от него с Иваном Воейковым в отдаленной город (Л. 7 об.) // для изследования некоторого дела, но на дороге от онаго Воейкова, которой с Борисом в крайней дружбе обращался, жизни [был] лишен.

Князь Иван Шуйской, обер-шталмейстер и опекунов сочлен, сослан от него в сылку, и на дороге в крестьянской избе от зажженной мокрой соломой удушен. А в свойстве ли сей Шуйской князь Василью Ивановичю (которой после Годунова на Российской престол взошел) был, об оном нам известие не сообщено. Таково же поступал он и с теми, кои противу сего вышписанного роптали.

6. Но чрез такие лютости все протчие бояря опекуна крайне возненавидели и согласились между собою (Л. 8) // его убить. В некоторое время повел он частореченнаго агличанина из задних дверей с несколькими охотниками и служителями в поле, где с ястребами лебядиная и протчих птиц ловля назначена была, токмо ту охоту перервал один к нему подошедшей монах, которой ему советовал, чтоб в самой скорости оттуда удалился, для того что более пяти сот человек из бояр, придворных служителей и протчих дворян верхами к нему навстречу едут, вознамерились его лицемерным своим почтением ублажать, пока способ найдут его окружить и с собою увести.

(Л. 8 об.) // Хотя Борису уведомление и совет сего монаха и не противен был, то однако лицо его изъясняло, что ему досадно показалось, что находящаяся при нем оное слышели, а паче тому стыдился, что веселие его так скоро прервалось. Однако тому радовался, что неприятелям его не удалось поймать ту птицу, для которой они на охоту выехали, и, не говоря ни слова, сел на лошадь, и в город поскакал, и благополучно приехал во дворец, где

многие архиепископы, князья и дворяня для вручения челобитен его дожидались; ибо они иногда более двух недель к подаче прошениям способного времени изобрести не могли. Аглинской посол, (Л. 9) // которого он много почитал, увидев сие, в пользу челобитчиков с ним говорил, почему он к ним и обратился, и некоторым из них поклонился, к чему реченной посол ему советовал, дабы те челобитчики против его роптать притчины не имели.

Потом принял он у них челобитные, на что они единогласно закричали: даруй, Боже, Борису Феодоровичю доброе здаровье! Даруй, Боже, ему долгие веки: а как он их напротиву того обнадежил, что прошение их великому князю предложит и к их пользе стараться будет, то ответствовали они ему: вы наш государь и царь, вы толко одно словечко скажете, (Л. 9 об.) // то мы уже и вспомошествованы.

7. Хотя же чрез лицемерность сих людей честожадность его и приумножалась, то однако многим знатным людям власть его несносна становилась, и всячески старались оную уменшить, но в скором после того времени нашел он способ молодого князя Дмитрия и весь его род, в Угличе где они содержались, казнить: буде в сем случае на известие реченного агличанина полагаются можно, ибо иные авторы уведомляют, а паче всех Геннингио утверждает в том, что мать его в то время не казнена, но ложным Дмитрием, который после того противу Бориса встал, из монастыря взята под видом, будто бы (Л. 10) // она ему родная мать. А помянутый агличанин описание свое продолжает таким образом.

Как он вторично из Англии в Москву прибыл, то сказали ему, что его великому князю и государственным членам весьма обнесли и оклеветали, токмо он не толко невинность свою в том доказал, но и честь свою против прежнего гораздо приумножил. Однако при всем том не дозволено ему было прежде в город приехать, пока королевской полской посол ко двору своему не отправился. Между тем воду, которую к нему всякой день привазили, ядом наполняли, тако ж и всякие протчие съестные припасы. Уповательно для того, (Л. 10 об.) // что он был друг тому, которого все дворянство терпеть не могло, а имянно Российскому опекуну Борису, или и по научению самого Бориса, ибо он о тайностях его более всех ведал, что тому ныне уже и не мило стало, итак статься может, что Борис старался те тайности чрез отраву в вечное забвение закопать. Протомоя⁶ подрядилась за знатную сумму, от которой она половину наперед получила, его отравить, в чем она после того и повинилась, мундшенк и кухмистр его отравлены оба. У одного из его служителей чрез поднесенной ему в напиток яд по всему телу преужасные чирьи выступили. Об оном посол хотя и доложил Борису, токмо от него никакого на то ответу не получил, (Л. 11) // и таким образом страдал он, пока полской посол уехал. Три дни после его отъезда отважился он и поехал в город.

Но что зделалось потом, в первой ночи, как уже все люди спать легли, застучал некто у дверей его, почему он со служителями своими встал, и – кто там, зачем вы пришли! – спросил. На что Афонасей Нагой, брат великой княгини, которая была мать князя Дмитрия, ответствовал: о, любезный Иерониме! Князь Дмитрий умер от рук служителя своего, которой его сего вечера в шестом часу убил, и уже в допросе показал, что он то учинил по приказу (Л. 11 об.) // Бориса Феодоровича. Матери его равномерно яд поднесен, ибо у ней ногти и волосы с головы выпадают,

⁶ Так в рукописи, правильно – «портомоя».

буде у вас есть лекарство противу яду, то дайте мне поскорее, дабы бедную свою госпожу от смерти избавить. Я спрошу вас ради Бога и ради страсти Господней оным поспешить.

Посол тому весма испугался и, хотя ему лицо его знакомо было, то, однако, не осмелился двери открывать, но чрез забор ему подал скляночку самого хорошего балсану^{7д} и жестянку с венецианским териакком.

(Л. 12) // Потом (пишет оной же посол) великую княгиню, у которой волосы выпали, в монастырь сослали, а свойственников ея, то есть брата, дядю и племянников, також и всех ея служителей в темную тюрьму посадили, куда не токмо люди, но и солнце их посещать не могло. Ис чего я с моей стороны заключаю, что мать великаго князя Дмитрия от поднесенного ей яду опять исцелела, а свойственники ея, может, в той тюрьме уморены. Аглинской посол, может статся, мнил другую вдовствующую великую княгиню, из Риги приехавшую, которая с дочерью в монастырь сослана, токмо и сие невероятно, ибо он ясно именовал: мать великаго князя Дмитрия, (Л. 12 об.) // которою и описание свое продолжает.

Вышереченный Геннингю пишет, что смертно убивцы (он обо многих упоминает) великаго князя Дмитрия (которой в то время был девяти лет) за обещанную им великую сумму жизни лишили и весма веселым лицом в Москву приехали, уповая за такое их злодейство великое богатство получить, токмо по научению Бориса Феодоровича равным образом убиты, дабы никто не ведал, что он в том их смертноубивстве участие имел, тако ж велел он Москву в разных местах зажечь, чтоб и тем обывателям подал случай более о домах своих, нежели (Л. 13) // о кончине великаго князя Дмитрия разсуждать и сожелеть, а сам себя представлял весма печальным и гневным и у владеющего великаго князя исходатайствовал, что многие угличаня невинным образом в сылку сосланы, а дворец до подошвы раззорен.

Аглинской посол господина Брандеса о сем равномерно уведомляет и пишет, что три дни пред тем, как у него вышереченным образом ночью порою у дверей стучали, зделался в Москве пожар, и более 12 000 домов згорело, а вынесенные ис тех домов пожитки разграблены служителями Бориса Феодоровича, которой в народе слух пропустил, что оной пожар произошел от зажигалщиков, кои к тому (Л. 13 об.) // подкуплены от Дмитриевой матери и ея свойственников, которые вознамерились великаго князя и его опекуна убить, а город Москву огнем разорить. А дабы простому народу и всем прочим людям оное вероятнее показалось, то сыскал он пять человек из солдат, кои в пытке показали, что они к тому подкуплены были. Потом Крутитской архиерей в провожании многих дворян и 500 стрелцов в Углич отправлен для погребения тела великаго князя Дмитрия.

8. Он вымышлял одно плутовство за другим и всегда круг себя имел великое число волшебников, которые по приказанию его, роднаго дядю, владеющего великаго князя Никиту Романовича, которой в силу духовной (Л. 14) // Ивана Васильевича Борису Феодоровичу товарищем определен был, так испортили, что он совсем языка лишился. И как аглинской посол к нему на посещение приехал, то он его чрез письмо не токмо о сем уведомил, но и притом изъяснился, что кончина его приближается. Також и Борис Феодорович Горзео одним днем сам сказал, что ссора его с Романовичем скоро прекратится, после сего оной на третей день и преставился.

⁷ То есть бальзаму.

9. Великой князь при таких обстоятельствах и сам начал бояться и оказывал желание поифир^{8с} сложить и в монастырь итти, к сему Борис ему уже давно советовал, а учинилось ли то действительно или нет, о том точного известия нигде (*Л. 14 об.*) // не нахожу. Токмо сие правда, что он на двенадцатом году своего царствования незапно в жестокую болезнь впал и скоропостижно от оной в 1595-м году^{9ж} преставился. А была ли сия скоропостижная смерть натуральная или воспоследовала от борисовского яду, оное безизвестно остается. Но когда възглянем на злобную совесть опекуна и на скоропостижную смерть великаго князя, то оное статся может.

10. Чрез сию смерть Борису Годунову все двери растворились ко вшествию на великокняжеской престол, ибо Феодор Иванович преставился, не оставя по себе наследников, а брат его опекуном жизни лишен. Следовательно, необходимость требовала (*Л. 15*) // избрание предъприятъ. Он же довольно знал, что патриарх, митрополиты, архиереи, вновь пожалованные дворяня, полковники, купцы и прочие люди, коим он великие благодеянии оказывал, кроме его никою другова не изберут, и для того тем смелее себя представлять мог, будто бы ему уединенное житие милее, нежели порфир. Он требовал, чтоб его просили то принять, чеву честожадное его сердце уже давно иметь желало, и тщился свое лукавство лицемерным богомолством закрывать. Ибо как они к нему пришли и его прилежно просили, чтоб он корону и державу принял, то извинялся он, что совокупленная в сем тягость и опасность мысли его совсем от онаго отвращают. (*Л. 15 об.*) // Представлялся притом, что царской престол при нынешних обстоятельствах многими трудами, беспокойствиями, ненавистию и разными злополучиями весьма силно оброс. И для того ему простой монашеской клобук милее, нежели корона и скипетр.

А чтоб оное народу несколько вероятно показалось, то он не токмо сестру свою в монастырь отдал, но и сам туда ж за нею следовал. Однако тайным образом чрез некоторых знатных людей и друзей отвращал, чтоб никто, кроме его, избран не был, и народ бы долженствовал его к принятию престола неотступно просить. А дабы стрела (*Л. 16*) // желания его тем наискорие достигло цели, то оперил он ту еще другими крыльями, а имянно – чрез чародеев и волшебников, кои им научены были в разных местах пророчествовать, что когда он владение примет, то государство от него великую ползу иметь будет. Оное и все по желанию его исполнилось. Как скоро народ проведал, что он монашеской чин принять вознамерился и уже действительно в монастыре обретается, то собрались они множественным числом и, пав в ноги, слезно его просили, чтоб пострижением не поспешал, а учинил бы их и все государство принятием Российскаго престола счастливыми. Борис Феодорович хотя и ни единого монашеского волоса не имел, то (*Л. 16 об.*) // однако умел он себя так притворять, что казалось, будто бы прошение и слезы народа и родной его сестры принудили его к принятию короны, которая ему милее жизни его была.

11. Естли по наружному его виду и росту разсуждать, то казался он такому возвышению на престол и достойным быть. Он имел хорошей рост, пригожее и приятное лицо, острой разум и был велеречив, скоропонятен и разсудлив, тако ж нерасточителен, однако великолепен и не скуп, особливо к иностранным послам, учтив, милостив и раскошлив. Но находящиеся притом в нем многие мерские похоти заглушили все сии похвалныя качества,

⁸ Так в рукописи, правильно – «порфиру».

⁹ Так в рукописи, правильно – «1598».

и природные (Л. 17) // его добродетели чрез то так испортились, что они наконец во всех его злых предприятиях участие имели. Ибо он, как выше сего упомянуто, на себя принял лицемерную набожность и был свиреп и лют, злых советов охотно слушал, а чародейство и чернокнижную науку весьма любил, також для временного величества и славы все свое имение расточил.

12. Что ж извинение, которое он хотя из лукавства о принятии престола приносил, справедливо было, то есть что правительство великими беспокойствиями и ненавистию окружено, оное самым делом наконец оказалось, и пророчество его збылось. Ибо хотя он (Л. 17 об.) // вскоре по прибытии престола римского императора, також и королей полскаго, шведскаго и датскаго чрез знатное посольство и подарки о заключении с ним дружжелюбнаго союза и мира просил, то однако последние три державы на его представлении иначе согласится не хотели, как на таких кондициях, кои ему весьма неприятны и несносны были. И для того те, кои его за подлые поступки, коими он на великокняжеской престол взомел, возненавидели, с теми тремя державами дружбу завел.

Государство управлял он таким же образом, как предки его, только подданные под его владением свободнее были, как прежде. А понеже военные тучи со многих сторон (Л. 18) // его угрожали, то предпринял он брачное сочетание между дочерью своею и третьяго сына короля дацкаго, и уже все к тому приуготовлено было, точию жених в самой тот день, как брачному сочетанию бысть, в Москве преставился.

13. Но внутреннее беспокойствие (к чему он, однако, сам притчиною был) ему опаснее быть казалось, нежели сия кровопролитная война, он по уведомлению агличанина Иеронима Бовеса склонил Богдана (Л. 18 об.) // Белскаго (которого Иван Васильевич весьма жаловал), чтоб оной великому князю, которой уже и так совсем опух, я[д] поднес и тем бы жизнь его скорее прекратил, что и действительно им учинено, но ныне будучи сам владельцем, начел он его (по обычаю тиранов) опасатся и бояться. И по той притчине подкупил нескольких людей, кои противу его всякие жалобы произвели, по которому челобитью, как Белской, так и протчие с ним оговоренные бояря к отдаленнейшим границам всылку сосланы.

Реченной агличанин при описании первого своего посольства упоминает, что Белской в Казань сослан и там в тюрьму (Л. 19) // посажен, но каково он сам себе во многих местах противуречит, таково же и при описании сего сам собою несогласен, ибо он во втором своем московском путешествии о тюрьме ничево не упоминает, а утверждается на преждереченном, то есть что Белской с протчими с ним оговоренными боярями к отдаленнейшим границам всылку сослан. И, будучи там, все свое богатство употребил к войне противу Бориса Феодоровича, к тому ж и короля полскаго, и воеводов литовских противу его возбудил, уведомляя их, что Димитрий, третий сын великаго князя Ивана Васильевича, еще жив (Л. 19 об.) // и при нем обретается. И что оной вознамерился государство ему по справедливости принадлежащее себе покорить. После того набрал он великое войско и в том хороший успех имел, потому что знатнейшие по государству бояря Бориса Феодоровича крайне ненавидели.

Сие последнее, о чем реченной агличанин без сомнения, не прежде, как по отъезде своем из Москвы, а по прибытию в Англию известие получил, вероятнее быть кажется, нежели первое, что будто бы Белской в тюрьму посажен. Ибо что Гришка Атрепьев, которой в Ерославле от бедных родителей рожден и монахом или, по описанию (Л. 20) // помянутого агличанина, попович был и в молодых своих летах в городех вино продавал, а потом не-

которым литовским и российским господам рассказал и не уверил, что он от такого знатного поколения произшел, оное уже в первом томе описано и во оном обстоятельно показано, какой сей ево обман вначале счастливый успех, а наконец несчастное окончание имел. Здесь же мы только вознамерились описать житие Бориса Феодоровича и его кончину.

14. Как скоро в государстве слух произошел, что настоящей наследник российского престола еще жив и чудным образом (*Л. 20 об.*) // Богом от рук разбойников спасен, то Борис Феодорович знатную сумму денег тем обещал, кои сего лживаго Димитрия поймают и в Москву привезут. Но оной благополучно в Полшу убежал, а потом в скором времени с помощью сандомирского воеводы и перешедшими к нему от Бориса Феодоровича множественным числом людьми вооруженною рукою в Россию вступил и многие города занел, токмо более по добровольной здаче, нежели силою. Борис Феодорович хотя и послал против его великое войско, токмо сам в поле не выступил, и для того генералам его тем способнее было к неприятелю перейти.

(*Л. 21*) // Которая их измена по уведомлению Пиизация ему столь прискорбна была, что он по полученному о том известию в 1605-м году апреля 13-го дня в публичной аудиенции от сильной рези в животе, при чем у него и из носу кровь шла, скоропостижною смертию преставился. Токмо протчие авторы о том другое известие сообщают. Частореченной агличанин Бовес оное описывает таким образом, что Борис Феодорович, его супруга, сын и дочь окормлены ядом, от которого он, супруга и дочь его на месте умерли, а сын еще несколько дней жил, и великим князем избран был, и после того в скором времени равную же кончину имел.

(*Л. 21 об.*) // 15. Что до Бориса Феодоровича собственной osoby касается, то статья может и вероятно быть кажется, что он или сам яд принял, или оным окормлен; что же до других принадлежит, то уповательно, что оной агличанин таково же ложным известием обманут, как и вся Россия, потому что другие авторы справедливее уведомляют, что по выборе Годунова сына Феодора Борисовича в великие князья непостоянные московские жители тот час склонность свою обратили к Димитрию, и новаго великого князя с его матерью и сестрою арестовали, и его власти предали, почему оной своего секретаря Ивана Богданова (*Л. 22*) // наперед в город послал, которой реченнаго новаго великаго князя и его мать удавил, а потом разгласил, что они чрез принятой яд сами себе жизни лишили. И таким образом Феодор Борисович во втором месяце своего владения в 1605-м году февраля 10-го дня¹⁰ в своей комнате веревкою удушен.

Сей жалостный пример нам ясные доказательства подает, какую кончину те люди ожидать имеют, кои на престол восходят чрез такие ступени, кои невинною кровию обмараны, яд ли или глубокая печаль Борису Феодоровичу такую скоропостижную смерть навела, то однако ничто оное, как (*Л. 22 об.*) // честожадность, его сему притчиною была. Какое ж он чрез то благополучие достиг, себе и всему своему роду жалостнейшую кончину, оное всем чрезмерною жадностию воспаленным людям в пример служит. И оне совершенно уповать могут, что кто, проливая невинную кровь, корону достигает, онуя таким же образом собственную свою или ближних своих наследников кровию лишатся должен.

ГАРО. Собр. науч. б-ки. № 10. Л. 1–22 об., второй фолиации.

¹⁰ Так в рукописи.

Список литературы

- ГАРО. Собр. науч. 6-ки. № 10.
- Горсей Дж. Записки о России : XVI – начало XVII в. / вступ. ст., пер. с англ. и коммент. А. А. Севастьяновой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. 287 с.
- Губин Д. В., Севастьянова А. А. Материалы к описанию собрания рукописей Государственного архива Рязанской области // Рязанская вивлиофика : ист. альм. Рязань : Александр Рутман, 2001. Вып. 2. № 16. С. 3–19.
- Дмитриев Л. А. Вновь найденное сочинение об Иване Грозном // ТОДРЛ. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Т. 18. С. 374–408.
- Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. С. 147–161.
- Кордт В. О. Чужоземні подорожні по Східній Європі до 1700 р. // Збірник історико-філологічного відділу. № 38. Київ : Друк. Укр. акад. наук, 1926. 208 с.
- Курукин И. В. Артемий Волынский. М. : Молодая гвардия, 2011. 411 с.
- Лаурентьев А. В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский и воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский: опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. 104 с.
- Леонид, архим. Смутное время и московско-польская война. От появления первого Самозванца из Польши в 1604 году до Деулинского перемирия 1618 года. Из славянского перевода хроники Перемышльского бискупа Павла Пясецкого // Памятники древней письменности. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1887. № LXVIII. 73 с.
- Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве : ист.-археогр. очерк : с приложением 116 таблиц с изображениями бумажных водяных знаков. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1891. 106 с.
- Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. : библиогр. материалы. СПб. : Нестор-История, 2008. 247 с.
- Петрухинцев Н. Н. Дворцовые интриги 1730-х годов и «дело» А. П. Волынского // Вопр. истории. 2006. № 4. С. 30–47.
- Севастьянова А. А. Издания и переводы сочинений Джерома Горсея (археографическое введение) // Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / вступ. ст., пер. с англ. и коммент. А. А. Севастьяновой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 5–46.
- Севастьянова А. А. Портрет Бориса Годунова в записках Джерома Горсея // Мининские чтения : тр. науч. конф. Н. Новгород : ННГУ, 2007. С. 11–15.
- Севастьянова А. А. Редкие рукописные книги XVII–XIX веков в Государственном архиве Рязанской области // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2018. № 3/60. С. 7–12.
- Селиванов А. В. Краткое описание рукописей, принадлежащих Рязанской ученой архивной комиссии // Тр. Рязан. уч. архив. комиссии за 1892 год. Рязань : Тип. Губ. правления, 1893. Т. 7. Вып. 3. С. 48–52.
- Филиошкин А. И. «Лифлянская хроника» Соломона Геннинга // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 1. С. 157–168.
- Beschreibung des Großfürstentums Moscow und Reussen etlicher Geschichten, so in denen Landen sich begeben. Beschreibung der Reiss, so von Herrn Joachimo Horseys, einem engl. Capitän in das Grossfürstenthumb Moscau und Reussen verrichtet worden // Extract der Orientalischen Indien, d. i. ausführliche hist. u. geogr. Beschreibung aller Schiffahrten und Reisen, welche... in Königreich, Inseln u. Provinzen der Orientalischen Indien vorgenommen wurden. Frankfurt a/M : Verlegung W. Fizers, 1629. Pag. 153–168.
- Croskey R. Hakluyt's Accounts of Sir Gerome Bowes' Embassy to Ivan IV // The Slavonic and East Europ. Rev. Vol. 61. 1983. № 4. P. 546–564.
- Henning S. Liffendische, Churlendische Chronica. Was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590 in den langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen... in Liffland zu Churland und Semigalln Hertzogen... Rostock : Gedruckt durch A. Ferber der Jüngern, 1590. 127 p.
- [Piasecki P.]. Chronica gestorum in Europa singularium: a Paulo Piasecio... conscripta... Cracoviae : Officina typographica F. Caesarij, 1645. 619 p.

References

Beschreibung des Großfürstentums Moscow und Reussen etlicher Geschichten, so in denen Landen sich begeben. Beschreibung der Reiss, so von Herrn Joachimo Horseys, einem engl. Capitän in das Grossfürstenthumb Moscau und Reussen verrichtet worden. (1629). In *Extract der Orientalischen Indien, d. i. ausführliche hist. u. geogr. Beschreibung aller Schiffahrten und Reisen, welche ... in Königreich, Inseln u. Provinzen der Orientalischen Indien vorgenommen wurden*. Frankfurt a/M, Verlegung W. Fitzers, SS. 153–168.

Croskey, R. (1983). Hakluyt's Accounts of Sir Gerome Bowes' Embassy to Ivan IV. In *The Slavonic and East Europ. Rev.* Vol. 61. No. 4, pp. 546–564.

Dmitriev, L. A. (1962). *Vnov' naidennoe sochinenie ob Ivane Groznom* [Newly Found Work about Ivan the Terrible]. In *TODRL*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 18, pp. 374–408.

Filyushkin, A. I. (2013). "Liflyanskaya khronika" Solomona Genninga [*The Livonian Rhymed Chronicle* by Solomon Henning]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 1, pp. 157–168.

GARO [State Archives of Ryazan Region]. *Sobranie nauchnoi biblioteki*. No. 10.

Gubin, D. V., Sevastyanova, A. A. (2001). *Materialy k opisaniyu sobraniya rukopisei Gosudarstvennogo arkhiva Ryazanskoi oblasti* [Materials for the Description of the Collection of Manuscripts of the State Archive of Ryazan Region]. In *Ryazanskaya vivliofika. Istoricheskii al'manakh*. Ryazan, Aleksandr Rutman. Iss. 2. No. 16, pp. 3–19.

Henning, S. (1590). *Liffendische, Churlendische Chronica. Was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590 in den langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen... in Lieffland zu Churland und Semigalln Hertzogen...* Rostock, Gedruckt durch A. Ferber der Jüngern. 127 p.

Horsey, J. (1990). *Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v.* [Notes about Russia. 16th – Early 17th Centuries] / transl. by A. A. Sevastyanova. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 287 p.

Kordt, V. O. (1926). Chuzhozemni podorozhni po Skhidnii Evropi do 1700 r. [Alien Lands in Eastern Europe until 1700]. In *Zbirnik istoriko-filologichnogo viddilu*. No. 38. Kiiv, Drukarnya Ukraïns'koï akademii nauk. 208 p.

Kurukin, I. V. (2011). *Artemii Volynskii* [Artemy Volynsky]. Moscow, Molodaya gvardiya. 411 p.

Lavrent'ev, A. V. (2013). *Kabinet-ministr Artemii Petrovich Volynskii i voevoda Dmitrii Mikhailovich Bobrok-Volynskii: opyt izucheniia i memorializatsii Kulikovskoi bitvy v Rossii pervoi poloviny XVIII v.* [Cabinet Minister Artemy Petrovich Volynsky and Voivode Dmitry Mikhailovich Bobrok-Volynsky: The Experience of Studying and Memorialising the Battle of Kulikovo in Russia in the First Half of the 18th Century]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 104 p.

Leonid, arch. (1887). *Smutnoe vremya i moskovsko-pol'skaya voina. Ot poyavleniya pervogo Samozvantsa iz Pol'shi v 1604 godu do Deulinskogo peremiriya 1618 goda. Iz slavyanskogo perevoda khroniki Peremyshl'skogo biskupa Pavla Pyasetskogo* [The Time of Troubles and the Moscow-Polish War. From the Appearance of the First Pretender from Poland in 1604 to the Deulin Truce of 1618. From the Slavic Translation of the Chronicle of the Przemyśl Bishop Pavel Pyasetsky]. In *Pamyatniki drevnei pis'mennosti*, St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. No. LXVIII. 73 p.

Likhachev, N. P. (1891). *Bumaga i drevneishie bumazhnye mel'nitsy v Moskovskom gosudarstve. Istoriko-arkheograficheskie ocherks prilozheniem 116 tablits s izobrazheniyami bumazhnykh vodyanykh znakov* [Paper and the Oldest Paper Mills in the Moscow State. A Historical and Archaeographic Sketch with an Appendix of 116 Tables with Images of Paper Watermarks]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 106 p.

Nikolaev, S. I. (2008). *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv. Bibliograficheskie materialy* [Polish-Russian Literary Ties of the 16th–18th Centuries. Bibliographic Materials]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 247 p.

Petrukhintsev, N. N. (2006). *Dvortsovyie intrigi 1730-kh godov I "delo" A. P. Volynskogo* [The Palace Intrigues of the 1730s and the "Case" of A. P. Volynsky]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 30–47.

[Piasecki, P]. (1645). *Chronica gestorum in Europa singularium: a Paulo Piasecio... conscripta...* Cracoviae, Officina typographica F. Caesarij. 619 p.

Selivanov, A. V. (1893). *Kratkoe opisanie rukopisei, prinadlezhashchikh Ryazanskoj Uchenoi Arkhivnoi Komissii* [A Brief Description of the Manuscripts Belonging to the Ryazan Scientific Archival Commission]. In *Trudy Ryazanskoj uchenoi arkhivnoi komissii za 1892 god*. Ryazan, Tipografiya Gubernskogo pravleniya. Vol. 7. Iss. 3, pp. 48–52.

Sevastyanova, A. A. (1990). *Izdaniya i perevody sochinenii Dzheroma Gorsey* (arkheograficheskoe vvedenie) [Editions and Translations of the Works of Jerome Horsey (Archaeographic Introduction)]. In Horsey, J. (1990). *Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v.* / transl. by A. A. Sevastyanova. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 5–46.

Sevastyanova, A. A. (2007). *Portret Borisa Godunova v zapiskakh Dzheroma Gorsey* [Portrait of Boris Godunov in the Notes of Jerome Horsey]. In *Mininskie chteniya. Trudy nauchnoi konferentsii*. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet imeni N. I. Lobachevskogo, pp. 11–15.

Sevastyanova, A. A. (2018). *Redkie rukopisnye knigi XVII–XIX vekov v Gosudarstvennom arkhive Ryazanskoj oblasti* [Rare Handwritten Books of the 17th–19th Centuries in the State Archive of Ryazan Region]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*. No. 3/60, pp. 7–12.

Zapiska ob Artemii Volynskom [A Note about Artemy Volynsky]. (1858). In *ChOIDR*. Book 2, pp. 147–161.

The article was submitted on 13.09.2020